

Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года.

Общая политическая обстановка 1913 и 1914 годов ясно указывала на возможность вооруженного столкновения между группой Германского союза и группой Английской, так называемого Согласия. Всюду кипела энергичная работа по подготовке к войне, то-же самое делалось и у нас. в частности, многочисленные комиссии проверяли мобилизационную готовность как войск, так и управлений воинских начальников; в войсках молодые солдаты обучались по сокращенным программам и т. д. К числу таких же подготовительных к войне работ относится военная игра командующих войсками округов, сделанная в Киеве с 20 по 24 апреля 1914 года. В основу этой игры были положены наши действительные предположения на случай войны с Австро-Германией, наличная политическая обстановка, данные о возможных противниках, какие на самом деле имелись в Главном Управлении Генерального Штаба, и наконец, к участию в игре привлечены были, за малыми исключениями, те генералы, которые предназначались к занятию должностей командующих армиями, фронтами и соответствующих начальников штабов. В штабе руководителя, военного министра, должны были работать начальники Главных Управлений, а действовать за противника чины Главного Управления Генерального Штаба, которые разрабатывали подготовку соответствующих фронтов. Уже из этих немногих слов видно, что киевская военная игра должна была дать чрезвычайно важные указания по подготовке к войне. Но главнейший ее интерес заключается в том, что она велась непосредственно перед войной, всего за три месяца, а потому является возможность сравнить насколько наши предположения и выводы, добытые игрой, соответствовали действительности.

I.

В основании задания были положены соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами тройственного союза, утвержденные 25 сентября 1913 года. Согласно этим соображениям, политическая обстановка представлялась в случае войны в следующем виде:

Наиболее вероятными противниками нашими на западе являются Германия и Австро-Венгрия.

Что касается Румынии, то, несмотря на несколько изменившееся положение ее в отношении держав Тройственного Союза, тем не менее, при войне на западе, мы все же должны считаться с возможностью неприязненных выступлений ее против нас.

Такое же положение может занять Швеция и особенно Турция. Однако оба эти государства по своему географическому положению не будут в состоянии принять участие в борьбе на главном театре; вероятнее предположить развитие действий на отдельных театрах, вследствие чего потребуются для борьбы с ними выставить отдельные силы.

Одновременно с нами должна была объявить мобилизацию Франция, а затем и Англия, которая могла помочь Франции своим десантом. Наконец можно было ожидать присоединения к Тройственному Согласию Италии и Балканских держав.

В соответствии с этим, Германия могла направить свой главный удар на Францию, которая кончала свою мобилизацию почти одновременно и следовательно раньше могла перейти и к активным действиям.

В этом случае для восточного театра Германия могла уделить относительно небольшие силы, развертывающиеся в В. Пруссии.

Таким образом, в первое время мы могли иметь против себя главного противника в лице Австро-Венгерской армии. Впрочем, и Австрия не могла направить против нас все свои силы, так как ей приходилось считаться с возможностью выступления на стороне держав Согласия, что уже указывалось, Италии и Балканских государств.

По тем же соображениям и Румыния могла направить против нас не более 3—4 корпусов, считая и резервные части.

Возможна была и иная комбинация, впрочем, менее вероятная, а именно, что Германия направит против нас более значительные силы и таким образом ее армия являлась бы опасным противником.

В обоих случаях главной целью действий являлся разгром Австро-Венгерской армии, а действия против немцев должны были выразиться в обеспечении этой операции, при чем с увеличением сил немцев соответственно и мы должны бы увеличивать свои силы, действующие против них.

Однако, во всяком случае, нам приходилось считаться с нашими обязательствами по отношению к союзникам, притянуть на себя возможно больше сил Германии, дабы облегчить успех на западе. Это же отвлечение сил Германии было необходимо и для обеспечения успеха действий наших южных армий против Австро-Венгрии.

Общее количество войск, которое мы с наибольшей вероятностью могли ожидать против себя на Западном фронте, видно из следующей таблицы:

Государства.	Корпус.	Отдельн. кавалер. дивизий.	Полк. дивиз.		Всего		
			Полк. вых.	Резерв. ных.	Батал.	Эскадр.	Орудий.
Германия	3—6	3	6—12	10—13	194—308	126—159	876—1464
Австро-Венгрия	12—13	11	41—38	6	714—674	380—373	2652—2514
Румыния	3	2	7	4	132	67	557
Итого	18—22	16	54—57	20—23	1040—1114	573—599	4085—4535
			74—80				

Районом первоначального развертывания наших противников можно было считать: для Германии—В. Пруссию, Австро-Венгрии—Восточную Галицию и Румынии—Среднюю или Северную Румынию.

Готовность к переходу в наступление всеми показанными в таблице силами определялась:

Германии—на 13 день утром

Австро-Венгрии—на 16 “

Румынии—при развертывании:

Северной Румынии на 18 день утром

Средней Румынии—на 15 “ “

В свою очередь Россия могла выставить из войск Европейской России и части Кавказских всего:

баталионов—1456

эскадронов—1019

орудий—5294

Отсюда, однако, надо было исключить войска для охраны Петербурга и Черноморского побережья. Тогда мы могли иметь для действий на Западном фронте:

баталионов—1288

эскадронов—945

орудий—4712,

т.-е. в общем мы имели бы в этом случае превосходство в силах на:

174—248 баталионов

346—372 эскадронов (сотен)

177—627 орудий.

Такое превосходство в силах мы могли бы иметь, однако, лишь в том случае, если бы Германия направила свой главный удар на Францию, что хотя и было наиболее вероятным, но не безусловным.

Поэтому, чтобы обеспечить себе еще большее превосходство в силах, мы могли рассчитывать на подвоз более или менее значительных подкреплений с наших восточных окраин. Тогда мы получили бы безусловный перевес в силах при всех комбинациях и имели бы:

1566 батальонов.

1063 эскадрона (сотен).

5708 орудий.

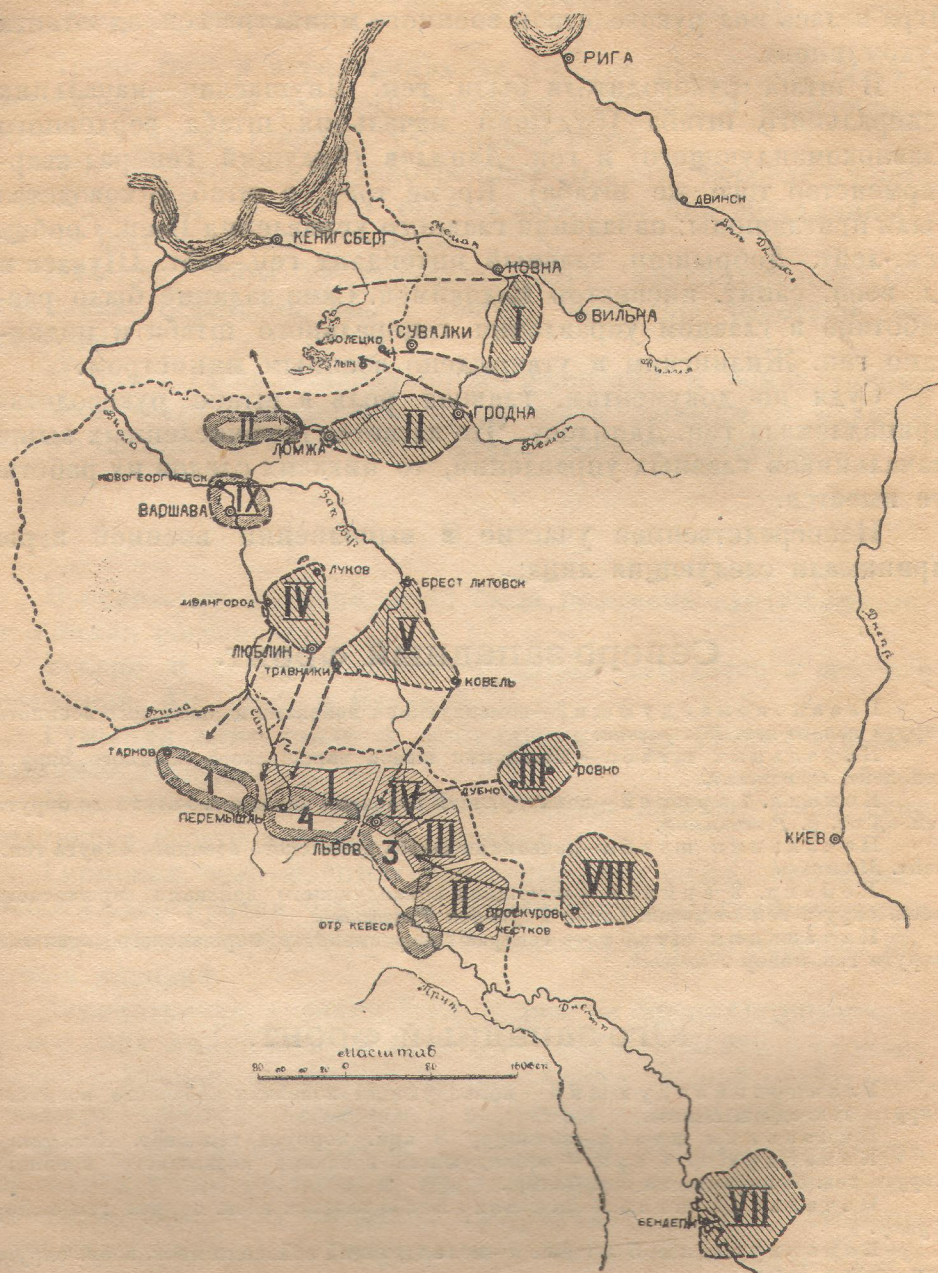
Несмотря на общее превосходство в силах, мы, однако, сильно отставали от наших возможных противников во времени сосредоточения.

Как было уже указано, они могли начать наступление на 16 день, мы же к этому времени могли иметь лишь 50% сил. Полный же сбор всех сил, не считая азиатских корпусов, достигался лишь к 26 дню мобилизации. Наконец, азиатские корпуса достигали линии Смоленск, Брянск, Никитовка в период с 26 по 41 день, и с этой линии могли быть направлены в любой район.

Вот вкратце политическая и стратегическая обстановка к весне 1914 года, которая и была принята в основание для нашего плана сосредоточения, и в частности для киевской игры.

В соответствии с ней, наши вооруженные силы на западной границе распределялись следующим образом. Всего формировалось 8 армий, из коих 1 и 2 составляли северо-западный фронт и предназначались для действий против Германии (В. Пруссии). 4, 5, 3 и 8 армии составляли юго-западный фронт против Австро-Венгрии. 7 армия сосредоточивалась в районе Бендер на случай военных действий про-

тив Румынии и, наконецъ, 6 армия назначалась для охраны Петербурга и побережья Балтийского моря.

На прилагаемой схеме показано расположение армий и их штабов, а стрелками—направление и фронты наступления.

Стратегическая военная игра происходила в Киеве и киевском дворце. Первоначально ее предполагали сделать в марте, но затем окончательно был назначен срок с 20 по 24 апреля. Игра велась под руководством военного министра, ген. ад'ютанта Сухомлинова.

В штабе руководителя были: ген. Янушкевич—начальник генерального штаба (будущий начальник штаба верховного главнокомандующего) и ген. Данилов (будущий генерал-квартирмейстер того же штаба). Кроме того, в штаб руководства были приглашены: начальник главного управления Воен. Сообщ. ген.-лейт. Добрышин, главный интендант ген.-лейт. Шуваев и гл. воен. sanit. инспектор Евдокимов. Само задание было разработано в главном управлении генерального штаба и подписано ген. Жилинским и утверждено военным министром.

Судя по документам, главная роль в штабе руководства принадлежала ген. Данилову. Что касается перечисленных выше начальников главных управлений, то никаких следов их работы не имеется.

Непосредственное участие в выполнении военной игры принимали следующие лица:

Северо-западный фронт.

Главного командующий—командующий войсками варшавского военного округа ген.-от-кав. *Жилинский*.

Начальник штаба—начальник штаба варшавского военного округа ген.-лейт. *Орановский*.

Команд. 1 армией—командующий войсками виленского военного округа ген.-ад'ют. ф. *Рененкамф*.

Начальник штаба—начальник штаба виленского военного округа ген.-лейт. *Милеант*.

Команд. 2 армией—помощник командующего войсками варшавского воен. округа ген.-от-кавал. барон *Рауш-фон Траубенберг*.

Начальник штаба—генерал квартирмейстер варшавского военного округа ген.-майор *Леонтьев*.

Юго-западный фронт.

Главного командующий—командующий войсками киевского военного округа ген.-ад'ют. *Иванов*.

Начальник штаба—командир 8 арм. корпуса ген.-лейт. *Алексеев*.

Командующ. 4 арм.—командующий войсками кавказского военного округа ген.-от-инфантерии бар. *Зальца*.

Начальник штаба—начальник штаба казанск воен. округа ген.-майор *Гурьев*.

Командующий 5 армией—командующий войсками моск. воен. округа ген.-от-кав. *Павлов*.

Начальник штаба—начальник штаба московского военного округа ген.-майор *Миллер*.

Командующий 3 армией—командир XXI арм. корпуса ген.-от-инфант. *Турок*.

Начальник штаба — начальник штаба киевского воен. округа ген. лейт. *В. М. Драгомиров*.

Командующий 8 армией — помощник команд. войсками киевск. воен. окр. ген.-от-инф. *Рузский*.

Начальник штаба — генерал-квартирмейстер штаба киевского воен. округа ген.-майор *Ломновский*.

Кроме того, в игре принимали участие целый ряд штаб-и обер-офицеров генерального штаба по избранию и назначению соответствующих старших участников игры.

Что касается предусмотренных планом сосредоточения 6 и 7 армий, то в виду особых задач, на них возложенных, они не были введены в задание.

Наконец, дабы не усложнять игры, предполагалось, что как планы перевозок, так и вообще весь тыл работают без задержки.

Однако, главнокомандующим фронтами и командующим армиями было предложено представить записки с оценкой общего положения к моменту начала боевых действий.

II.

В основание военной игры была положена следующая политическая обстановка:

Россия и союзная с ней Франция находятся в войне с Германией, Австрией и Италией.

Румыния приступила к мобилизации, но занимает выжидательное положение.

В соответствии с сим, как исходная данная, была дана следующая стратегическая обстановка:

Германия, вынужденная разделить свои силы, направляет главный удар против Франции, вследствие чего ограничивается развертыванием в В. Пруссии 10 полевых и 11 резервных пехотных дивизий.

Демонстрируя к линии Бобр-Нарев на фронт Остроленка—Осовец, она имеет в виду главный удар направить к стороне Среднего Немана на фронт Гродна—Олита. Общей целью этой операции ставится—быстрым и коротким ударом разбить наши неготовые передовые войска на среднем Немане, нарушить тем самым наши расчеты и, притянув на себя возможно большие силы, облегчить операции австрийских армий до стороны Галиции в северном направлении на фронт Седлец-Брест-Кобрин.

Австро-Венгрия, развернув в Галиции, от Ярослава до Черткова, 40 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, имеет

целью семью корпусами (21 дивизия) перейти въ энергичное наступление, направляя их для главного удара на фронт Седлец-Брест-Кобрин и обеспечивая эту операцию остальными силами со стороны войск киевского военного округа.

Первый ход, по нижеследующим соображениям был приурочен к 10 дню мобилизации:

1) не позже как на 9 день мобилизации в штабе верховного главнокомандующего должно быть принято вполне определенное решение, собирать ли главную массу наших сил к северу от Полесья против Германии, или же наоборот,—главную массу сил развернуть к югу от Полесья против Австро-Венгрии;

2) уже на 9 день немцы могут начать наступление против наших армий, разворачиваемых на среднем Немане и на Бобр-Нарев, с расчетом на некоторый успех в виду нашей неготовности.

В соответствии с этим, главнокомандующему армиями северо-западного фронта к вечеру 9 дня были даны сведения о начавшемся вторжении немецких сил в Занеманский район, причем было указано, что вверенные ему армии должны остановить это наступление. Что касается обстановки к тому же времени на австрийском фронте, то, в виду более поздней (к вечеру 17 дня мобилизации) готовности австрийских армий, главнокомандующему юго-западным фронтом было предложено выяснить сроки возможного наступления вверенных ему армий, с указанием, что главный удар против австрийцев необходимо направить со стороны южного фронта Варшавского военного округа, а для облегчения этой операции—развить решительные действия армиями, разворачиваемыми на киевском фронте.

Главнокомандующий северо-западным фронтом решил, не ожидая окончания нашего разворачивания на среднем Немане, немедленно перейти в решительное наступление обеими армиями одновременно, нанося главный удар в направлении на г. Лык с охватом правого фланга германцев.

Решение это приводило 1 армию, не окончившую еще своего разворачивания впереди среднего Немана, к боям с тремя немецкими корпусами, уже на 12 день, когда 2 армия, нанося главный удар немцам со стороны Лыка, не могла, по расчету времени, развить своих решительных действий к этому сроку.

Главнокомандующий юго-западным фронтом во исполнение первого хода выяснил, что армии его могут начать наступ-

пление: 8 — на 20 день, 3 и 5 — на 20 день и 4 армия — на 21 день мобилизации.

Принимая во внимание вероятную обстановку, которая складывалась на германском фронте в силу решения, принятого по первому ходу главнокомандующим с.-западного фронта, 2 ход для армий этого фронта был дан к 12 дню мобилизации.

В этот день, как уже было сказано, должны были, по расчету движения обеих сторон, начаться серьезные бои на фронте 1 армии в то время, как 2 армия (три корпуса из 4), направленная на Лык для нанесения главного удара во фланг и тыл немецким корпусам, действовавшим против 1 армии, могла столкнуться с противником лишь на 14 день мобилизации, т. е. двумя днями позднее.

В соответствии с этим и были даны сведения о положении дел на северо-западном фронте к вечеру 2 дня мобилизации.

Решение главнокомандующего армиями северо-западного фронта по второму ходу заключалось в том, чтобы несколько попридержать наступление 1 армии и тем самым дать время 2 армии выйти к Лыку, т. е. выравнять армии в смысле одновременности их действий. Однако решение это, в силу создавшейся обстановки, являлось уже несколько запоздалым и не могло быть приведено в исполнение, так как 1 армия на 12 день была атакована немцами.

Для следующего (третьего) хода была введена данная, что английский десант высадился и направляется на поддержку французским армиям. Это обстоятельство, нарушившее в пользу Франции соотношение сил на франко-германском театре войны, в связи с действиями нашей 2 армии (угроза тылу), вынуждает германцев к постепенному отходу за р. Ангераа, под прикрытием которой начинается перевозка части их сил (3 корпусов), действовавших против наших 1 и 2 армий, на французскую границу для восстановления нарушенного прибытием английских войск необходимого превосходства в силах над французами. Исходя из сказанного, главнокомандующему северо-западным фронтом и была дана обстановка к вечеру 21 дня мобилизации.

Такая обстановка позволила главнокомандующему с.-западным фронтом на следующий же день обеими армиями перейти в энергичное наступление против германцев с охватом их обоих флангов севернее и западнее Мазурских озер, выделив, согласно указанию главной квартиры, из состава своих армий по одному корпусу для направления их на усиление армии

юго-западного фронта, где к этому времени назревала обстановка для нанесения решительного поражения австрийцам.

Для армии юго-западного фронта второй ход был приурочен к 19 дню мобилизации.

К этому времени наступление австрийцев, которые предупреждают нас с окончанием своего развертывания, уже могло обозначиться с достаточной определенностью, при чем ранее других должны были ввязаться в бой: 3 армия, оказавшаяся, по условиям развертывания обеих сторон, в наиболее выдвинутом по отношению к противнику положении, и 8 армия, которая начала наступление на 17 день мобилизации. Исходя из сказанного, обстановка юго-западному фронту была дана к вечеру 18 дня мобилизации.

Главкомандующий армиями юго-западного фронта признал возможным ускорить на один день начало наступления 4 армии; во всем же остальном предположения его, легшие в основу действий против австрийцев и заключавшиеся в нанесении главного удара со стороны южного фронта варшавского военного округа, изменению не подверглись.

К следующему, третьему ходу, который был приурочен к 22 дню мобилизации, обстановка на юго-западном фронте сложилась таким образом:

На киевском фронте австрийцы направили главный удар в Горынский район против 3 армии и даже успели здесь обеспечить себе превосходство в силах, но уже к вечеру 21 дня, когда перешедшая в решительное наступление 8 армия начала выходить на направление, угрожавшее отрезать австрийцев от переправ на Днестре, положение 3 армии, принявшей на себя главный удар, становилось вполне удовлетворительным.

Против наших армий, развернутых на южном фронте варшавского военного округа, австрийцы направили главный удар (3 корпуса — 9 дивизий) по правому берегу западного Буга. Командующий 5 армией, принимая во внимание труднодоступный характер местности района, в который направлялся австрийцами главный удар, предполагал противопоставить ему здесь один корпус (из 3 дивизий), остальные силы своей армии сосредоточить на левом берегу западного Буга для совместных действий с 4 армией, в обход левого фланга австрийцев.

Исходя из сказанного, юго-западному фронту была дана обстановка для третьего хода к вечеру 21 дня мобилизации.

За недостатком времени, результаты маневра 4 и 5 армий, предпринятого ими для нанесения главного удара австрийцам с обходом их левого фланга, не могли быть выяснены.

Несомненно, однако, что с намечавшимся к 25 дню прибытием подкреплений, силою в четыре корпуса (гвардия II, XVIII и VIII), при чем три из них должны были усилить 4 и 5 армии, а VIII корпус — 8 армию, юго-западный фронт получал значительный перевес в силах ($6\frac{1}{2}$ дивизий) над австрийцами и получал полную возможность достигнуть решительных над австрийцами успехов.

Такова фактическая сторона стратегической военной игры.

III.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с ходом и отчетом киевской игры, это отсутствие выводов и поучений.

В кратком докладе, представленном 1 мая 1914 года, военный министр говорит: „игра эта дала весьма богатый материал, как по проверке правильности намеченного развёртывания и плана ближайших наших действий в случае войны на западной границе, так и по возбуждению и проведению в жизнь новых мероприятий по обеспечению нашей обороноспособности“. Далее говорится, что в ближайшее время будут доложены результаты игры сначала кратко, а затем и более подробно. Действительно, 22 мая 1914 года военный министр представил доклад, в котором изложен ход игры в таком виде, как он описан во II главе настоящей статьи, т. е. одно фактическое изложение событий.

В конце доклада приведено бесцветное заключение. Очень беден материал и других документов. Вот причина, почему приходится говорить не о том, что эта игра дала, а о том, что она могла дать. Справедливость, однако, требует отметить, что для полного использования результатов военной игры, повидимому, не было времени, или об ней просто забыли, в виду быстро надвинувшихся событий.

Кроме того, надо указать, что игра предпринималась для проверки правильности соображений, утвержденных 25 сентября 1913 года (мобилизационное расписание № 20), тогда как вся подготовка к войне велась согласно так называемого, мобилизационного расписания 1910 года. Переделывать все заново, конечно, не было возможности, и, следовательно, нельзя было и использовать результатов игры с достаточной полнотой.

Итак, к каким же выводам пришел военный министр? Лучший ответ дает заключение, изложенное им в конце своего доклада: „произведенная впервые в широком масштабе эта

военная игра несомненно принесла весьма существенную пользу“.

„Прежде всего она дала возможность проверить, при данной политической обстановке, правильность общих соображений при развертывании наших армий при войне с державами Тройственного Союза“.

„В то же время ею удалось выяснить некоторые желательные усовершенствования в деталях развертывания каждой из армий, что даст возможность командующим войсками в округах внести необходимые частные поправки в подготовительные к войне соображения, разрабатываемые в округах“.

„Затем, этой же военной игрой удостоверена необходимость принятия некоторых мер по более обеспеченному переходу от мирного положения к военному, в смысле управления войсками и разделения пограничной территории“.

„Независимо того, лица, принимавшие участие в военной игре, большинство коих предназначается в военное время для занятия высших должностей по управлению армиями, имели полную возможность ознакомиться в целом с условиями развертывания армии на западном фронте, что естественно должно способствовать установлению взаимного понимания и единства во взглядах, проводимых подготовительными к войне работами“. Вот и все, что сказал военный министр о военной игре, происходившей действительно при совершенно новых и непривычных условиях, ибо это был один из первых опытов обучения старших начальников.

Таким образом устанавливается, что собственно разбора игры сделано не было и едва ли кто-либо серьезно принимался за использование ее результатов ¹⁾. Можно думать, что отсутствие разбора проистекало из совершенно особого состава участников, требовавшего деликатного к себе отношения.

Несколько больше указаний можно найти в объяснительных записках, представленных командующим армиями и фронтами, по требованию руководства. К сожалению, эти записки требовались до игры, а не после нея, когда многое стало ясным, и затем для этих записок не была дана общая программа или перечень вопросов. Поэтому они отличаются полным несходством, что крайне затрудняет общий вывод и сравнение.

Большинство записок касается только оценки задания и частной обстановки и лишь доклады ген.-адъютанта Иванова

¹⁾ В делах киевского военного округа есть указания, что выводы военной игры „будут использованы для намечавшейся тогда полевой поездки.“

(нач. штаба ген. Алексеев) и командующего 3. армией ген.-лейт. В. И. Драгомирова дают ответы на все вопросы фронта и тыла.

Красной нитью через большинство докладов проходит настоятельная необходимость не торопиться с началом наступления. Необходимо вполне закончить сосредоточение, устроить тыл и только тогда двигаться. Ген. Иванов говорит, что в виду задачи — решительное наступление в Галицию — необходимо раньше разбить австрийцев, которые мобилизуются скорее нас. Поэтому переход в наступление возможен только, когда все будет готово, ибо необходимо избегать частных неудач, влияющих на построение войск и страны.

Еще более энергично выражается ген. Драгомиров: "...количество собранных войск в общем достаточно для отпора противнику в пыне установленных районах сосредоточения на 19—21 день мобилизации, но состояние тыла таково, что после серьезных боев на рр. Икве и Горыни потребуются вновь серьезная организационная работа по его устройству и пополнению запасов, что может ограничить наше наступление и задержать вторжение вглубь Галиции".

Командующий 1. армией, получив приказание о наступлении также находил, что переход в наступление 1 армии, не закончившей развертывания, вряд ли правилен. Это мнение в дальнейшем подтвердилось, так как торопливое наступление привело 1. армию, не окончившую своего развертывания впереди Среднего Немана, к боям с тремя немецкими корпусами, при чем в этих боях по условиям игры и развертыванию обеих сторон в 1. армии могли действовать лишь 3 $\frac{1}{4}$ дивизии из III и IV корпусов.

Стремление как можно скорее наступать проявилось и в действительности. Ставка настойчиво требовала движения вперед даже не дожидаясь конца сосредоточения. Вопросы тыла были, повидимому, забыты. Можно сказать, что в управлении царя, так сказать, кавалерийский масштаб. В целом ряде указаний и телеграмм Ставка проявляла и в действительности большую лихорадочность. Эта нервность поднялась до высшего напряжения после успехов 1. армии. Несмотря на просьбы ген. Самсонова о необходимости отдыха, ген. Жилинский требовал энергичного наступления, и в результате полный разгром. Сами немцы считали наступление ген. Самсонова безумным. 21 августа Биверская станция искрового телеграфа перехватила шифрованную депешу следующего содержания: „адмиралу фон Эссен 2 русская армия, слишком безумно атакующая, уничто-

жена под Таппенбергом. Взято в плен 75 тысяч. Гардемаринов 295“.

Итак, на военной игре, как и в действительности, высшее командование не проявляло достаточно спокойствия и методизма. Наши молниеносные успехи на южном фронте в значительной степени зависели не от комбинаций, а от свойств противника. Торопливо проведенные операции без надлежащего обеспечения тыла не придали им достаточной прочности, что и сказалось в событиях 1915 года.

В этом отношении особое значение имел недостаток снарядов, повидимому, совершенно непонимаемый до грозных указаний в бою. В отчетных работах (Каз. воен. округа) можно было встретить рассуждения, что 300—400 снарядов на орудие совершенно достаточно „по опыту русско-японской войны“. Киевская военная игра показала, что снарядов мало и надо принять чрезвычайные меры для их пополнения. В своей записке ген. Драгомиров говорит, что „на легкое орудие имелось 300 снарядов, т.-е. количество также едва достаточное для тех же боев (первых серьезных), после чего армейские склады иссякнут“. Таково же его мнение и об обеспечении ружейными патронами, которых „едва достаточно для первых серьезных боев“. Это замечание осталось на воздухе и никаких мероприятий не вызвало. Понадобились месяцы и потоки крови, чтобы органы, ведающие снабжением, поняли весь ужас положения, но и тогда они растерянно твердили только о необходимости экономить снаряды и беречь патроны.

Те же записки указывали на недостаток санитарного оборудования. Во всех расчетах, говорит ген. Драгомиров, почему-то была „принята норма средней убыли в 3%, тогда как ожидается убыль до 15—20%“. Действительность подтвердила вывод военной игры. В документах совершенно нет указаний, какое поучение вывел из игры главный военно-санитарный инспектор. Затем указывалось на необходимость обеспечения запасными для пополнения убыли в людях.

Тот же ген. Драгомиров говорит о необходимости увеличить запас, так как расчет в 5% состава совершенно не достаточен.

Вопрос интендантского снабжения остался в игре совершенно открытым, и чины интенданства в работах участия не принимали. Какова была роль главного интенданта—проследить нельзя, но его восторженное отношение к работе чинов интендантского снабжения во время войны указывало, что на игре не было выяснено то, что живо чувствовалось войсковыми началь-

никами. В первый период войны, без всяких сомнений, войска были сыты только благодаря необычайному богатству края. Командиры частей отлично усвоили мысль, что их спасение в довольствии „собственным попечением“, и их сношения с интендантством сводились почти исключительно к переписке и получению денег. Остается только пожалеть, что чины интендантства не принимали участия в игре. Быть-может тогда бы выяснилась необходимость полной перемены самой идеи его существования. Этого, однако, не случилось, и потому мы на войне имели не поставщиков, снабжающих армию, а контрольную организацию.

Современные армии с массой войск и технических средств находятся в полной зависимости от тыла. Никакое число не способно заменить самолетов, автомобилей, орудий, снарядов, проволоки и т. д. Самые доблестные войска не могут работать, когда они не накормлены. Вот почему современный полководец не может предпринимать никаких действий, если его тыл не поспевает за войсками. Надо полагать, что после пережитого кровавого урока всем ясно, что в минувшую войну причины неудач лежат не столько в стратегии и тактике, сколько и в отсутствии организации тыла и особенно в недостатке снарядов. Это обстоятельство заставило дольше остановиться на крайне крупном недочете военной игры—отсутствии работы тыла. При этом условии, следовало организовать тыловую игру, независимо от стратегической.

Из приведенных выше записок можно сделать и некоторые выводы об особенностях характеров участников. Генералы Иванов, Алексеев и Драгомиров представили подробные заключения с очень ценными указаниями. В то же время ген. Жилинский оставил свои „пожелания“ в виде небольшой собственноручной записки. В ней было сказано, что в виду бездорожья (в В. Пруссии!) необходимо придать каждой армии *полесную* железную дорогу в 100 верст. Второе пожелание—иметь в каждой армии для осады крепости Кенигсберг, крепостей на Висле и действий против долговременных укреплений Мазурских озер осадные парки. Эта предвзятая мысль, высказанная на игре, ярко проявилась и с началом войны. Желание заняться Кенигсбергом видно во многих распоряжениях главнокомандующего северо-западным фронтом. Еще не покончив с „живой силой“ германцев, он назначает корпус и второочередные дивизии для осады этой крепости. Даже после разгрома 2. армии ген. Жилинский опять говорит о Кенигсберге. Военная игра указала на такую навязчивую идею ген. Жилинского, но руко-

водство не дало на этот предмет никаких раз'яснений, а игра выводов.

IV.

Выше было указано, что в основу игры легли соображения 1913 г., и что они в жизнь не проводились. Однако это нисколько не умаляет значения выводов ее и по следующим причинам.

Соображения 1912 года (расписание 1910 г.) предусматривали два случая: А) (Австрия)—Германия занята на Западе и выставила относительно небольшие силы в В. Пруссии. Северо-западный фронт бьет немцев и очищает В. Пруссию. Юго-западный фронт наносит решительное поражение австро-венгерской армии, отрезая ее от р. Днестра и г. Кракова.

Г)—(Германия) немцы действуют пассивно против Франции и направляют большие силы против России. В этом случае общая задача: переход в наступление против германских войск, угрожающих нам со стороны В. Пруссии, парализуя действия противника на остальных фронтах.

Согласно же соображениям 1913 года во всех случаях мы направляли главную массу войск на австрийцев, а задача северо-западного фронта сводится к обеспечению этой операции. При этом на случай увеличения против расчетов сил немцев в В. Пруссии мы должны иметь некоторый запас войск уже во время развертывания и, кроме того, иметь в виду возможность дальнейшего их усиления до необходимой численности. В этом и заключается разница со случаем—Г., предусмотренном соображениями 1912 года, при котором увеличивается число армий.

По докладу военного министра, военная игра подтвердила правильность выводов, изложенных в соображениях 1913 года. Казалось бы, что в таком случае надо было немедленно по выяснении, что главный удар немцев направлен на запад, все излишние силы (гвардию, XVІІІ и І арм. корпуса) направить на южный фронт. Обстановка в этом смысле была достаточно ясна уже к 24/25 июля, т.-е. на 7—8 день мобилизации. Вместо этого, в Варшаве было начато формирование новой 9. армии. Ближайшие боевые столкновения показали ошибочность такого распределения сил и потребовали направление гвардии и XVІІІ корпуса в 4. армию.

Так представляется дело при рассмотрении вопроса с теоретической точки зрения; однако есть основание полагать, что верховное командование отчетливо понимало требования обстановки. Повидимому были превходящие причины, заставившие

принять некоторое компромиссное решение, выразившееся в формировании в Варшаве 9. армии. Причины эти—настойчивое требование нашей союзницы возможно более решительных действий именно против Германии. Например, телеграммой 19 июля ¹⁾ наш военный агент в Париже сообщил, что французский военный министр считает, что наиболее желательным для французов направлением нашего удара является направление Варшава-Познань. Телеграммой 7 августа тот же военный агент доносит, что он считает „желательным в виду того, что по соглашению (в мирное время начальников генерального штаба) наши армии должны были начать серьезное наступление с 20 дня мобилизации (6 августа), в случае задержки последнего, дать французам соответствующие объяснения“.

Итак, вывод военной игры о необходимости направления всех свободных сил на юго-западный фронт подтвердился в действительности. Кроме того, соображения 1913 года собственно так мало разнились от случая А, что планы перевозок можно было и не менять. Следовательно более смелое направление войск против Австро-Венгрии не встречало затруднения и с этой стороны.

Переходя теперь к осуществлению планов действий во время игры и на войне, интересно раньше всего выяснить соотношение сил сторон. Для удобства в последующем каждый фронт будет рассматриваться особо.

На игре 1. армия развертывалась на фронте Ковна-Друскеники, 2.—Гродна-Ломжа. Направление их главных ударов было: 1. на Гумбинен, в обход Мазурских озер с севера, а 2. на Лык с целью оказать содействие 1. армии, еще не готовой, слева.

На 9. день 1. армия имела 84 батальона против 93 немецких, а 2. армия—112 батал. против 50 немецких. При таких условиях, отдельное наступление 1. армии на превосходного противника было очень рискованным, тем более, что 2. армия не могла оказать помощи раньше 3—4 дней. Повидимому было бы правильнее 1. армии временно обороняться, выжидая подхода 2. армии.

Не очень улучшилось положение в смысле соотношения сил и к вечеру 11 мая. В этот день 92 батальона 1. армии имели против себя 97 батальонов немцев. Немцы против 2. армии имели 62 батальона. Почти двойное превосходство русских в силах, хотя и давало много шансов на успех, но во времени столкновения на фронте 1. армии, 2. армия опазды-

¹⁾ „Краткий стратегический очерк войны 1914—18 г.“. Над. журн. „Военное Дело“.

вала на 2 перехода и могла быть сильно задержана, вследствие чего 1. армия подвергалась существенной опасности потерпеть отдельное поражение.

Итак, при данном соотношении сил на игре разрозненные действия двух армий Северо-Западного фронта давали возможность более слабым немцам (147—159 батальонов против 196—204 русских) бить противника по частям, и в конечном результате увести на Западный свой фронт два корпуса из В. Пруссии. Следовательно, наступление С-Западного фронта одной из задач,—„отвлечения на себя возможно больших сил немцев“, не выполнило.

С началом военных действий (к вечеру 12 дня) немцы имели войск в В. Пруссии меньше, чем предполагалось на игре, а именно всего 100 полевых батальонов и некоторое количество неготовых ландверных дивизий (4—6). К тому же времени у нас в 1. армии было 96 батальонов 132 эскадрона и в 9. армии, не считая частей у Варшавы и Новогеоргиевска 112 батал. и 96 эскадронов¹⁾. При этом немцы не могли двинуть все свои войска в одном направлении, но должны были занимать одновременно целый ряд пунктов. Таким образом вся немецкая армия была слабее численно каждой из русских.

В силу целого ряда причин высшее командование развернуло 2. армию много западнее, чем это было сделано во время игры, имея в виду прямо направить ее в обход Мазурских озер с запада.

От такого расположения для противника возникла возможность и единственный в такой обстановке способ, это действие по внутренним операционным линиям, т.-е. сперва разбить одного противника, а затем другого. На военной игре ему это почти удалось. Однако соотношение сил в действительности не давало немцам полной надежды на успех. Во всяком случае для крупных активных действий сил у них не было и уделить их куда бы то ни было они не могли.

Таким образом, как на игре, так и в действительности обстановка не требовала немедленного перехода в наступление и во всяком случае до полного изготовления обеих армий Северо-Западного фронта.

Тем не менее, политика и „мода“ на активность толкали армии вперед вопреки их желанию и расчету. Совершенно то же самое было и во время игры и в этом смысле ее выводы использованы не были.

¹⁾ „Краткий стратегический очерк войны 1914—18 г.“ Изд. журнала „Военное дело“.

Как было уже указано во время киевской игры действия армий были мало согласованы, что имело следствием заминку. Такая же несогласованность была проявлена и в действительности. Сперва начинает наступать 1. армия, когда 2. еще не заняла исходного положения. 7 августа 1. армия бьет под Гумбиненом немцев и они поспешно начинают отходить. На перерез им фронт спешно, не считаясь с готовностью и утомлением, двигает 2. армию. Такая торопливость и утомление, при которых движение одного, например, из корпусов не имело вида „строевых частей, а шествие богомольцев“, замотали войска не дали ясно разобраться в обстановке. Согласованность в действиях армий фронта, как и на игре, отсутствовала. В результате полный разгром 2. армии, имевшей 144 батальона против 136 немецких¹⁾.

Согласно предположению во время игры и на основании документальных данных, Австрийская армия развertyвалась между р. Сан (у Ярослава) и Чортковым (40 верст к северу от р. Днестра, где он пересекает нашу границу). Главный удар наносили две средние армии, 4. и 3.; фланговые обеспечивали эту операцию: I у Ярослава — слева, II у Трембовли — справа.

В свою очередь Юго-Западный фронт наносил главный удар с южного фронта варшавского округа 4. и 5. армиями. Остальные две армии, 3. и 8. действовали со стороны Киевского военного округа (на фронте Дубно — Проскуров). Между этими группами образовался промежуток (Ковель — Дубно) в 120 верст, увеличившийся затем до 170 верст. Этот промежуток, куда (по вост. берегу Зап. Буга) направлялось до 9 австрийских дивизий, прикрывался к началу боевых действий одним XVII корпусом.

Соотношение сил на игре было таково:

К вечеру 18 мая батальонов:

	Русские	Австрийцы
На южном фронте Варш. в. окр.	256	296
На киевском фронте	296	261
	552	557

К вечеру 21 мая батальонов:

На южном фронте Варш. в. окр.	280	283 .
На киевском фронте	296	274
	576	557

¹⁾ Не вполне справедливо сравнивать силу русских и немецких армий только по числу батальонов, вследствие вдвое сильнейшей по числу батарей германской артиллерии (редакт.).

Эти цифры указывают, что, предполагая наносить главный удар с южного фронта варшавского военного округа, мы не обеспечили себе здесь достаточного превосходства в силах, и на главном театре были слабее. Не было значительного и общего превосходства в силах, несмотря на то, что весь план действий против австро-германцев основывался на разгроме австрийской армии.

В частности между з. Бугом и Вислой первоначально было 196 батальонов против 187 бат. австрийцев. Это положение было учтено командующим 5. армией, который перевел на западный берег з. Буга два корпуса.

Из изложения хода военной игры уже выяснилось, что успех действий основывался не на ударе группы Варшавского воен. округа, а на действиях 8. армии.

Итак вывод: а) Юго-западный фронт, решавший главную задачу первоначального плана войны, не был доведен до полного превосходства в силах, т.-е. успех не был вполне обеспечен. б) Группа, развертываемая в пределах Варшавского воен. округа, назначавшаяся для главного удара на Юго-зап. фронте, была значительно слабее австрийцев, что уже явно противоречило основной идее всей операции. в) Для обеспечения успеха этой группы понадобилось придать ей еще три корпуса. г) Успех операции был следствием успеха 8. армии, сыгравшей роль назначавшуюся для северной группы.

В действительности группировка противника была несколько иная, что ухудшило наше положение по сравнению с игрой.

Австрийцы сдвинули весь район сосредоточения много к западу и несколько иначе распределили силы по армиям. Благодаря этому на главном направлении у них было всего не 296, а 350 батальонов и 150 эскадронов, а на киевском фронте— до 200 батальонов и 170 эск. в виде заслона. С нашей стороны к началу военных действий ¹⁾ на юге Варшавского округа было 250 батальонов, 132 эскадр. и на киевском фронте 272 батал. 144 эскадрона. Всего, следовательно, мы имели на Юго-западном фронте 528 батал.; 276 эскадр, против 557 батал. и 320 эскадронов. Отсюда видно, что повторилось то же соотношение сил, что и на киевской игре, а именно: ко дню наступления на главном направлении Юго-западного фронта мы сосредоточили на 100 батальонов меньше австрийцев. В то же время на киевском фронте мы были почти настолько же сильнее их.

Перемещение района сосредоточения австрийской армии к западу приводило к полной возможности охвата правого фланга

¹⁾ Все расчеты сделаны, имея в виду и левый берег р. Вислы.

Юго-западного фронта. Это было тем более вероятно, что австрийцы имели здесь большое превосходство в силах.

Из только что сказанного видно, что в действительности с нашей стороны при первоначальном развертывании и с началом наступления было повторено буквально то же самое, что и на военной игре. Распределение сил не соответствовало главной идее первоначального плана действий, ибо за Юго-западным фронтом не был обеспечен достаточный численный перевес. Военная игра выяснила необходимость усиления группы Варшавского военного округа еще 3—4 корпусами. Этого сделано не было, хотя у Варшавы такие корпуса имелись. События вынудили подтянуть эти корпуса к 4. армии при риске возможного поражения и неудач первого наступления 4. и 5. армий на превосходного противника.

На игре, в своем обстоятельном докладе, ген. Иванов говорит о необходимости не торопиться с наступлением, дабы избежать первых неудач. Совершенно то же он повторял и перед движением Юго-западного фронта в августе 1914 года и, тем не менее, Ставка настаивала на немедленном и скорейшем наступлении.

Наконец, совершенно так же, как и на игре, выяснилась роль 8. армии, которая благодаря перевесу сил сразу же достигла значительного успеха и ее движение приобрело значение главного удара.

Вот те поучения, которые можно извлечь из сопоставления выводов киевской военной игры с событиями первого периода войны. Не подлежит сомнению, что теперь, когда есть возможность все обдумать совершенно спокойно, когда события отошли на историческое расстояние, оценка их не встречает особых затруднений. Поэтому, настоящий очерк не имеет в виду кого либо обвинять или опорочивать. Но из кровавых уроков прошлого необходимо извлечь возможно больше, дабы избежать повторения тех же недочетов в будущем. В действительности решения принимаются под влиянием целого ряда причин, которые легко могут быть упущены историком. Как, например, учесть влияние политики, особенностей характера действующих лиц и их предварительной службы, а последнее сыграло не малую роль в первой работе Ставки и Северо-западного фронта.

В этом очерке отмечена лишь возможность не использовать чрезвычайно важные выводы киевской военной игры, чего сделано не было.

А. Н. Суворов.